

Потенциал конфликтности в избирательный период

Исмаил Байханов

В период избирательной кампании политическое пространство становится уязвимым с позиции выражения различных конфликтных настроений в обществе, что может перерасти в открытую конфронтацию. На этот вопрос невозможно ответить, не понимая того, что сам избирательный процесс, взятый в целом, может быть отождествлен с некой пограничной зоной той социальной системы, в которой проходят выборы.

Обращаясь к мысли немецкого социолога Н. Лумана, следует сказать, что «граница системы есть не что иное, как вид и конкретность тех операций системы, которые ее индивидуализируют. Граница – это форма системы, другая сторона которой становится, тем самым, окружающим миром. То же самое

можно сформулировать с помощью различения самореференции и инореференции.

Осмысленно оперирующие системы производятся в непрерывном процессе различения самореференции и инореференции. Единство этого различения не может стать доступным для наблюдений. Его воплощение всегда осуществляется лишь в виде операции и неизменно лишь внутри (ибо, в противном случае, не могло бы быть и речи о самореференции и инореференции). Подобно живым системам осмысленно оперирующие системы также никогда не смогут в своих собственных операциях переступить свои собственные границы.

Однако в медиуме смыслы границы непременно обладают и некоторой другой стороной, являются формами, данными в виде двусторонних форм (а не в виде чистой фактивности операционного процесса). Это означает следующее: наблюдение, сопровождающее переход одной операции к некоторой

БАЙХАНОВ Исмаил Баутдинович – кандидат политических наук, Председатель Избирательной комиссии Чеченской Республики. E-mail: ismail.67@mail.ru

Ключевые слова: конфликтность, выборы, самореференция, избирательная система, панашаж.

другой, всегда подмечает избирательность рекурсивных сопряжений, а тем самым нечто такое, что принадлежит не системе, а окружающему ее миру.

В коммуникации актуализируется и меняется информация о чем-то, что само не является коммуникацией. Инореференция неизменно сопутствует всем поискам подходящих подсоединений в сети коммуникации. Поэтому граница системы является всего лишь самопроизведенной дифференцией самореференции и инореференции, и как таковая она присутствует во всех коммуникациях»¹.

Таким образом, в преддверии выборов, в их ходе и непосредственно после выборов социальная система приобретает качество самореференциальной системы, в которой помимо набора и конфигурации основных элементов одним из главных параметров становится параметр смысла. Такой смысл может улавливаться как в близком окружении системы, так и в дальнем.

С содержательной точки зрения в смысл могут вкладываться идеи относительно:

- во-первых, политического состояния системы;
- во-вторых, ее социально-экономического статуса;
- в-третьих, комплекса национальных и конфессиональных отношений внутри системы.

С организационной точки зрения важно понимать, что для многовариантности отражения смысла (смыслов) избирательная система должна позволять избирателю высказывать большее количество предпочтений.

Если исходить из того, что, по Луману, самореференция «вкрадывается во все стандарты кодирования, включая и код истинного и неистинного»², то, естественно, самореференция способна подтверждать себя

и ложными результатами. Поэтому, чем более репрезентативным будет итог выборов, тем меньше будет ложных результатов, которые могли бы дестабилизировать систему. Именно поэтому длительное время острие социального конфликта применительно к выборам было сфокусировано на проблемах достижения наиболее широкого представительства интересов граждан.

Так, в 1850 г. в работе «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 год» К. Маркс выражал уверенность, что всеобщее избирательное право приведет к «социальной эмансипации»³.

Развивая эти положения, социалисты пришли к выводу, что для достижения всеобщего избирательного права необходима более широкая социальная платформа. Однако несмотря на то что европейским социал-демократам удавалось не только заручиться поддержкой на выборах большинства рабочих, но и получить вообще голоса большинства избирателей, они не смогли полностью выполнить свои предвыборные обещания.

В индустриальном мире всеобщее избирательное право стало реальностью, а вот приход социал-демократов к власти в индустриально развитых странах не привел к «социальной экспроприации» ни в национальном, ни тем более в международном масштабе. Это говорит о том, что смысл, заложенный в идеях классовой борьбы как формы социального конфликта в соотношении с выборами, не воспринимается как истинный в рамках самореференции имевшихся избирательных и, более широко, социальных систем.

В сопоставлении с этой моделью можно обратить внимание на то, что при применении *пропорциональной системы* избиратель обычно не может влиять на отбор кандидатов на так называемые мандатные места в списке. А в контексте самореференции системы в оценке итога голосования повышается уровень ложности восприятия смысла выбора.

При введении *преференциальной системы* избиратель, голосующий за партийный список кандидатов, получает право указать в нем кандидатов, избрание которых было бы для него особенно желательно, т.е. определить свои предпочтения (преференции) в рамках списка. В данном случае с каждой новой кандидатурой избиратель добавляет и новый смысл в свое восприятие системы, что, конечно же, снижает уровень конфликтности социальной системы в целом, однако не исключает повышения конфликтности в ее отдельных сегментах.

Например, в 1993 г. после двух референдумов (1992 и 1993 гг.) итальянские законодатели из-за случаев злоупотребления преференциальным принципом были вынуждены урезать соответствующее право избирателей, разрешив им высказывать не более одного предпочтения (вместо четырех)⁴.

Суть проблемы состояла в том, что кандидат, помещенный в конце списка, мог получить предпочтения большинства избирателей, отдавших голоса за список данной партии, либо числа избирателей, равного действующей в стране избирательной квоте. В таком случае ему обязаны дать мандат в первоочередном порядке, лишив надежд на мандат тех кандидатов, которые были выше по списку. При всей демократично-

сти данного подхода система позволяла с помощью преференциального голосования отнимать мандаты у лидеров политической партии в пользу будущих рядовых парламентариев, обезглавливая фракцию партии в парламенте.

Поскольку и *мажоритарная система*, и простой вариант голосования по спискам не берут в расчет возможное существование альтернативных вариантов выбора у избирателей, эти формы голосования меньше отвечают сути самореференциальной системы. Но и сама преференциальная система не ставит задачу получения репрезентативной картины на основании первого же выбора избирателей. Она может иметь разновидность альтернативного голосования в одномандатных округах, что дает возможность избирателю в таком округе голосовать не за одного кандидата, а за нескольких, отмечая их предпочтительность для него. При подсчете голосов бюллетени раскладываются по первым предпочтениям⁵.

Данный способ, в частности, применяется, при выборах нижней палаты парламента Австралии и на президентских выборах в Шри-Ланке.

Другая необычная форма списочной избирательной системы известна как *панашаж* (фр. *panachage* – мешанина).

Он предполагает голосование по партийным спискам, но избиратели получают возможность дополнительно высказаться по поводу определенного числа баллотирующихся в округе кандидатов независимо от их партийной принадлежности, смешивая кандидатов от одной партии с кандидатами от других. В результа-

те голос избирателя сказывается на составе законодательного корпуса в целом, поскольку он влияет на представительство партий, списки которых не получили его поддержки. Панашаж дает возможность избирателю, сочувствующему партии, которая практически не имеет шансов пройти в парламент, проголосовать за такую партию, а также одновременно отдать предпочтение индивидуальным кандидатам от других партий, вызывающим его доверие. Поэтому его явка на выборы обретает смысл, который добавляет к процессу формирования смысла и всей самореференциальной системы.

В этом случае вряд ли можно считать сомнительным положение, при котором часть членов партийной фракции в парламенте фактически попадает в этот законодательный орган за счет поддержки сторонников других партий, ведь этот выбор избирателей отражает множественность смыслов, придающих системе не только устойчивость, но и импульс к саморазвитию.

Возможно, с учетом данного обстоятельства в Швейцарии и Люксембурге, где применяется панашаж, избирателям дополнительно дано право накапливать свои предпочтения, т.е. отдавать наиболее предпочтительным кандидатам сразу несколько голосов, таким образом, ранжируя кандидатов по степени предпочтения.

В представленных выше избирательных системах, имеющих самореференциальные характеристики, смысл получает позитивное наполнение.

Но существует множество вариантов, когда избиратель такого значения не обнаруживает ни в одном из пред-

лагаемых ему кандидатов или ни в одной из партий. Тогда отражением конфликтной сути данной ситуации может служить голосование против всех кандидатов, или появление в списках кандидата *«Против всех»*. Строка с указанием такой возможности выбора идет последней в избирательных бюллетенях для голосования.

Любопытно, что в разных языках данная графа называется по-разному: в английском — *none of the above* — «ни за кого» или «никто из указанных», в украинском — *не підтримую жодного кандидата* — «не поддерживаю ни одного кандидата».

И эти определения несколько отличаются от понятия «против всех».

При таком голосовании снижение конфликтной напряженности происходит вследствие возможности, с одной стороны, участия в голосовании, а с другой — отказе от принятия решения в пользу кого-либо из кандидатов, указанных в бюллетене.

Независимо от двойственности данной ситуации ее следует считать формой протестного голосования. В некоторых странах пункт, отражающий возможность такого вида протестного голосования, включается в бюллетени.

В отечественной избирательной практике в советский период при выборах с одной кандидатурой использовалось голосование «за» и «против» кандидата.

В Российской Федерации эта графа была в бюллетенях на выборах до 2006 г., когда на основании Федерального закона была исключена из бюллетеней⁶.

При этом в 2005 г. Конституционный суд России по жалобе Уполномоченного по правам человека подтвердил законность агитации «против всех»⁷.

Вариацией такой агитации можно считать деятельность по созданию политической партии «Против всех»⁸.

Разумеется, отсутствие графы «Против всех» позволяет различным политическим и гражданским группам призывать к протестным формам голосования. Предлагаемые ими варианты сводятся к: бойкоту выборов, порче избирательных бюллетеней и выносу бюллетеней с избирательного участка. Также можно говорить и о различных вариантах проявления протестного голоса: гипотетическом, когда избиратель все же соглашается его отдать за других кандидатов в данной ситуации; структурном, когда избиратель выступает или против всей демократической системы, или против конкретной избирательной системы в однопартийной или двухпартийной форме.

Протестное голосование воспринимается как признак недостаточной легитимности избирательной системы. Но еще больше на это указывает сам акт неголосования.

Понятие «абсентеизм» (от лат. *absens* (*absentis*) – отсутствующий) вошло в избирательную практику из практики землевладческой, где он означал форму землевладения, при которой земля как условие производства отделена от землевладельца. Собственник земли, не принимая участия в процессе производства, получал денежный доход.

Такая форма землевладения была распространена во многих странах и регионах, но особое влияние на эскалацию социального конфликта оказала в Ирландии.

Вместе с тем нельзя смешивать абсолютно противоположные мотивы абсентеизма: выражение протестной позиции в связи с недоверием всей избирательной системе и проявление социальной апатии, безразличия к политической жизни в целом; следование религиозным правилам.

Например, Свидетели Иеговы не участвуют в выборах, не приветствуют главу государства, считая их частью поклонения «кесарю», в то время как следует служить Иегове. Отказываются они исполнять Государственный гимн, отдавать честь Флагу, Гербу и другим государственным символам⁹.

Сложность однозначной идентификации отсутствия участия в голосовании как формы социального протеста, отражающего в свою очередь наличие социального конфликта, вызвана тем, что в итоге такое политическое поведение не только не изменяет сложившуюся ситуацию на избирательном и, шире – политическом, поле, а фактически увеличивает долю голосов за самого популярного кандидата. Если бы избиратели выбрали голосование против популярного кандидата, то это бы уменьшило его преимущество, как и голосование за того кандидата, который не сможет пройти определенный процентный барьер, увеличивает долю голосов, отданный за самого популярного кандидата.

В отличие от мягких, спокойных, личностно окрашенных форм абсентеизма бойкот выборов или референдума является демонстративной формой выражения недовольства и, как правило, предполагает действие группы лиц, разделяющих подобные убеждения.

Массовость акций бойкота обеспечивается агитацией, которая носит спланированный характер. Нельзя выделять какие-либо специфические причины бойкота, к которым могут относиться как в целом недоверие избирателей к избирательной системе страны, так и протест против использования на выбо-

рах административного ресурса, подозрения в возможностях организации массовых фальсификаций итогов голосования.

Цель бойкота, в отличие от отмеченных вариантов протестного голосования, артикулируется более отчетливо и заключается в срыве выборов. Часто организаторы таких акций рассчитывают на их успех, опираясь на законодательное закрепление минимального порога явки, требуемого для признания выборов состоявшимися.

Столь серьезные намерения организаторов и участников бойкота нуждаются и в весомых аргументах.

Надо особо отметить, что чаще всего аргументация сводится к объяснению нежелания своим участием в голосовании придавать легитимность выбранной власти или решению, принимаемому в ходе референдума. При этом они не только не учитывают, что легитимная власть – это та, что держится на законе больше, чем на насилии, но и то, что источниками легитимности помимо закона могут выступать религия, идеология. Есть и непреложная связь легитимности с эффективностью власти. И когда всего этого нет, то в действие могут вступать силы, использующие более быстрые и жесткие меры установления легитимности, чем бойкот.

Например, 3 августа 1979 г. в результате военного переворота был свергнут один из наиболее одиозных африканских диктаторов, первый президент Экваториальной Гвинеи Франсиско Масиас Нгема Бийого Ньеге Ндонг, который привел страну к полному экономическому и политическому коллапсу¹⁰.

Еще одна характерная черта бойкота, которая отличает его от инди-

видуальных акций протеста во время выборов, состоит в том, что за призывами к бойкоту выборов скрываются групповые интересы. То могут быть интересы, основанные на принадлежности к одной этнической, региональной, конфессиональной, профессиональной и даже возрастной группе, лидеры или члены которой считают, что выборы, а также вопрос, вынесенный на референдум, не учитывают или ущемляют их интересы.

Примером действия этнической группы по бойкоту выборов можно считать бойкотирование в 1992 г. референдума о независимости Боснии и Герцеговины боснийскими сербами. Этим они выражали протест против неправомерного, с их точки зрения, принятия меморандума о суверенитете простым большинством голосов парламента бывшей Социалистической Республики Босния и Герцеговина вместо положенного для таких вопросов конституционного большинства.

Но дальнейшая эскалация конфликта привела к разворачиванию полномасштабной боснийской войны.

Бойкот выборов может казаться эффективной формой политической борьбы и тем политическим партиям и отдельным кандидатам, которые не могут рассчитывать на реальный электоральный успех по множеству причин. Возможен и самобойкот, когда зарегистрированный кандидат, будучи участником акции протеста, может потребовать исключить себя из списка избирателей.

В царской России к тактике бойкота прибегали партии большевиков и эсеров. Ленин писал об этом в статье «Бойкот булыгинской Думы и восстание»¹¹.

То, что призыв к бойкоту выборов со стороны оппозиционной партии, как правило, не приводит к достиже-

нию поставленной цели, подтверждают итоги парламентский выборов на Ямайке в 1983 г.

Оппозиционная Народная национальная партия призвала своих сторонников отказаться от голосования. Явка избирателей составила всего 2,7%, но это не помешало правящей Лейбористской партии Ямайки занять все 60 мест в палате¹².

Данный пример подтверждает мнение критиков, что бойкотирование выборов в целом не влияет на окончательное решение избирателей, имеющее, в отличие от бойкота, юридическую силу.

Несомненно, любые протестные действия в период избирательной кампании дискредитируют избирательную систему и дестабилизируют систему социальную. Они могут вызвать непредсказуемые последствия в жизни общества и государства.

В то же время можно найти и такие формы протеста, связанные с выборами, избирательными технологиями, финансированием избирательных кампаний, которые не дестабилизируют, а, наоборот, консолидируют общество. Но для этого необходим достаточно длительный период демократического развития, за который такие механизмы, в первую очередь правовые, вырабатываются и апробируются.

В качестве примера можно привести решение Верховного суда США в январе 2010 г. по делу некоммерческой организации *Citizens United* против Федеральной избирательной комиссии.

Этим решением, которое некоторые политики называли историческим, были отменены нормы, касающиеся финансирования кампаний, ранее ограничивавшие возможности

корпораций и профсоюзов по спонсированию политических гонок. Суд пришел к заключению, что такие ограничения нарушают свободу слова.

В преддверии президентских выборов 2012 г. благодаря этому решению появились так называемые суперкомитеты (*super PACs*) – независимые группы, которые могут собирать средства и тратить их в неограниченном количестве на поддержку или критику кандидатов.

Такие суперкомитеты могут расходовать миллионы долларов, однако большая часть финансирования поступает им не от корпораций или профсоюзов, а от частных лиц. Конечно, в значительной части пожертвования предназначаются для ведения политической борьбы от имени консервативных кандидатов и на реализацию преследуемых ими целей.

Что касается Республиканской партии США, то ее суперкомитеты, в отличие от суперкомитетов Демократической партии, тратят на республиканских первичных выборах больше, чем официальные избирательные кампании кандидатов.

И все же некоторые республиканцы, в частности известный сенатор-республиканец Дж. Маккейн, остались недовольны решением Верховного суда по делу *Citizens United*. Маккейн усмотрел в действиях суда самонадеянность, наивность и глупость¹³.

Лауреат Нобелевской премии по экономике П. Кругман также отнес это решение к проявлениям «чуждакокрации»¹⁴, поддерживая мнение тех, кто считает, что наиболее очевидным последствием решения Верховного суда по делу *Citizens United* стал приток в политику средств от чужаков-миллиардеров и в значительно меньшей степени – от корпораций.

Сверхбогатые магнаты с правыми взглядами, как Ф.Фрисс (инвестиционные фонды), Х.Симмонс (химическая промышленность и металлургия), Р.Перри (жилищное строительство) и Ш.Адельсон (казино), пуская в ход свои богатства через канал под названием «Суперкомитет», хотят контролировать политический процесс. Но и раньше, когда ограничения на возможности обладателей крупных состояний

вмешиваться непосредственно в ход выборов существовали, они могли финансировать мозговые тресты, подкармливать политиков, высказывающих им почтение и т. д.

На это решение необходимо обратить внимание именно в контексте социального протеста не просто потому, что оно указывает на возможность выражать несогласие с мнением властей (в данном случае судебных) в процессе дискуссии, а из-за того, что одним из мотивов такого решения Верховного суда было положение, что независимые расходы нельзя ограничивать, если они не носят коррупционного характера.

Хотя решение отражает исключительно узкий взгляд на коррупцию в политическом процессе, эту позицию нельзя игнорировать. Именно коррупция во всех ее смыслах в наивысшей степени подрывает легитимность системы. И в этой связи следует напомнить о механизме поведения самореференциальной системы, для которой один из смыслов приобретает столь негативный оттенок. Такая система рано или поздно подвергнется разрушению. И здесь протест может привести к изменению смысла и тем самым придать системе жизнеспособность.

Кто способен выступить с таким протестом?

Некоторые авторы, например профессор Высшей школы экономики С. Медведев, обращают внимание на то, что в мире родилась новая сила без организации, руководителей, бюджета, идеологии и списка требований. Но она уже вывела на улицы миллионы людей, устроила «арабскую весну» и пошатнула европейские правительства. Это «разгне-

ванные горожане», протестующие против власти элит – проворовавшихся правительств, банков, Евросоюза¹⁵. Имя этой силы – #OCCUPY, с твиттеровским хэштегом.

Первая акция #OccupyWallStreet началась 17 сентября 2011 г. в Нью-Йорке, охватив затем многие страны. Однако движение #OCCUPY шире, чем политика, потому что имеет плохо прописанные форматы и сценарии или же такие сценарии отсутствуют изначально. И в этом содержится очень сложный вопрос о векторе неуправляемого протеста.

Трудности поиска ответов на этот вопрос определяются и тем, что часто именно в потоке протестных акций выдвигается фигура будущего лидера не одного лишь протестного движения, а лидера партии, государства. Происходит взаимное влияние протестной волны на становление лидера, соотнесение его образа с одной из символических фигур.

Например, согласно типологии М.Херманн, выделяются четыре типа лидерства¹⁶:

- *лидер-знаменосец* – идейный вдохновитель, вождь народных масс. Такой лидер самостоятелен, критичен в оценках действительности, знает, как исправить ситуацию, четко определяет цель своей деятельности и способен увлечь массы по пути к цели (М.Ганди, В.Ленин, А.Гитлер);

- *лидер-служитель* – прежде всего стремится обеспечить интересы выдвинувшей его группы сторонников. Такой тип лидерства характерен для периода «застоя», когда лидер стремится служить своим приверженцам, не забывая при этом идти навстречу пожеланиям избирателей;

- *лидер-торговец* – окружает себя командой компетентных профессионалов-помощников, определяющих

наиболее эффективные пути социально-экономического развития общества. Он умеет ярко преподнести и выгодно продать свои идеи и планы, привлекая сторонников (Р.Рейган);

– *лидер-пожарный* – лучше всего проявляет себя в кризисных ситуациях, эффективно действует согласно обстановке, быстро решает самые насущные проблемы. Такими чертами должны обладать большинство современных лидеров.

Не менее важно, чем выдвижение лидера, проанализировать то, как протестная волна в период избирательной кампании отражает настроения отдельных социальных групп, подвигает их открытые действия, побуждает создавать политические структуры (партии женщин, пенсионеров и др.).

Точно так же, как можно представить символические фигуры лиде-

ров, выделяются символические группы избирателей. Они, по сути, аналогичны классификации, которую предложил российский психолог К. Харский для выявления лояльности работников, основываясь на двух критериях: локусе контроля личности и времени.

Харский выделил четыре крайних типа лояльности и присвоил им условные наименования: Ветеран, Мечтатель, Наследник и Зомби¹⁷.

Каждый раз деятельность избирателей того или иного типа влияет и на формирование лидера, и на то, какой тип политического поведения будет корреспондироваться с ожиданием наиболее активной части электората.

Так, в 60-е годы в США образ братьев Джона и Роберта Кеннеди как молодых и динамичных политиков отвечал предпочтениям молодого электората, видевшего возможности воплощения своей мечты благодаря их политике.

Лишь учет всех перечисленных обстоятельств позволяет выстраивать политику власти с опорой на ценности, которые должны играть роль базовых для данного общества и государства. Именно опора на ценностные основания снижает потенциал конфликтности как во время выборов, так и в период между ними.

Для того чтобы эти ценности осознавались большинством электората, необходимо внедрять культуру и практику диалога/консенсуса¹⁸, что требует создания инфраструктуры доверия, которая включает как каналы и формы политического диалога, так и многочисленные символы, свидетельствующие о готовности вступать в такой диалог. Эти символы содержатся и в названиях политических партий и движений, и в образах политической рекламы, и в практике поведения лидеров и массы.

Примечания

¹ Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. С. 40.

² Луман Н. Самоописания // URL: <http://www.journal.iph.ras.ru/selbst.doc>

³ Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 5–10.

- ⁴ Фузаро К. Правила переходного периода: новое избирательное законодательство Италии 1993 года // Реформа избирательной системы в Италии и России: опыт и перспективы. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1995. С. 8–38.
- ⁵ Таагенера Р., Шугарт М.С. Описание избирательных систем // Полис. 1997. № 3.
- ⁶ Федеральный закон от 15 июля 2006 г. № 67-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части отмены формы голосования против всех кандидатов (против всех списков кандидатов)» // РГ. 2006. 15 июля.
- ⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2005 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 48 и статьи 58 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», пункта 7 статьи 63 и статьи 66 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» // URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/12043020/12043020.htm>
- ⁸ Манифест о создании политической партии «Против всех» путем преобразования общероссийского общественного движения менеджеров и предпринимателей «Средний класс» в политическую партию // URL: <http://www.protivvseh.pro>
- ⁹ Швечиков А.Н. Рай земной: новая сказка. Об идеологической и социально-политической доктрине иеговизма. СПб.: Кайрос, 1997.
- ¹⁰ Meredith M. The State of Africa. L.: Free Press, 2005. P. 239–244.
- ¹¹ Ленин В.И. Бойкот булыгинской Думы и восстание // Полн. собр. соч. Т. 11.
- ¹² Nohlen D. Elections in the Americas: A data handbook. Vol. I. Oxford, 2005. P. 430.
- ¹³ Из справки Reuters // НГ. 2012. 9 апр.
- ¹⁴ Кругман П. Власть чудаков: богатые заказывают музыку // НГ. 2012. 9 апр.
- ¹⁵ Медведев С. Год под знаком хэштега // Ведомости. 2011. 9 декабря.
- ¹⁶ Херманн М. Составные части лидерства // Политология вчера, сегодня, завтра. М., 1991. Вып. 2.
- ¹⁷ Харский К.В. Благонадежность и лояльность персонала. СПб.: Питер, 2003.
- ¹⁸ Инфраструктура доверия // НГ. 2012. 22 марта.